

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: venariy@ngs.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ХАКАСОВ ОБ *ЫЗЫХАХ**

В статье на основе архивных, полевых материалов, а также литературных сведений в ретроспективе рассматриваются представления и обрядовая деятельность, связанные с *ызыхами* – животными, посвященными различным духам и божествам хакасского пантеона. Выявляются семейно-родовая направленность данных воззрений и ритуальных действий, их знаковый и функциональный аспекты.

Ключевые слова: *священные животные, обряд, шаманизм, тёсы, род, духи, тотем.*

Введение

Одно из важных мест в мифоритуальной традиции хакасов занимало понятие *ызых*. По всей видимости, оно восходит к древнетюркскому *İdug* – «священный, святой» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 217]. Во многих тюркских языках аналогом лексемы *ызых* выступает *ыйык*. В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э.В. Севортыяна под *ыйыком* имеются в виду понятия:

1. священный (посланный небом), святой (посланный Богом), благословенный, благой; честь, почтение, уважение; уважительный, почетный, почтенный, досточтимый, знаменательный, славящий, драгоценный;
2. неделя;
3. духи рек, гор, долин, фетиш, предметы поклонения и почитания;
4. приносящий счастье, счастливый; судьба Божья;

*Работа выполнена в рамках программы РАН № 25, направления № 5 «Сравнительный анализ базовых духовных ценностей в культурах народов Сибири конца XIX – начала XXI в. Оценка перспектив сохранения и развития культурного наследия»; проекта РНП 2.2.1.1/1822 и тематического плана (НИР 1.5.09) в составе совместного УНЦ НГУ и ИАЭТ СО РАН.

5. скот, посвященный в жертву, животное, посвященное в жертву, жертва, лошадь, посвященная Богу, жертвенный, выбранный (назначенный), посвященный для жертвы, относящийся к жертве;

6. название «*idhuk*» дается каждому животному, выпускаемому на свободу в знак выполнения данного обещания;

7. высокий (о горе) [1974, с. 649].

В хакасском языке слово *ызых* обладало таким же широким семантическим полем, однако чаще употреблялось в значении «сакральный», «священный», «святой»: *ызых кизи* – «святой человек», *ызых хус* – «священная птица», *ызых агас* – «священное дерево», *ызых таг* – «священная гора», *ызых кёл* – «священное озеро», *ызых чул* – «священный ручей» и т.д. Этим термином обозначали также домашних животных (*ызых мал* – «священный скот»), посвященных (в качестве живой жертвы) различным сверхъестественным существам: божествам, духам различных категорий и т.д. Данный аспект мы и рассмотрим.

Посвящение *ызыхов*

Традиционным занятием хакасов наряду с охотой и рыболовством являлось скотоводство. Хакасы называли себя «трехстадный народ» (*юс ёёрлиг маллыг*

тадар чоны), т.к. в основном разводили три вида скота: лошадей, коров и овец [Бутанаев, 1999, с. 58]. В большей мере со скотоводством и был связан культ посвященных животных – *ызыхов*. От наличия и количества скота зависел социальный статус человека. Н.Ф. Катанов отмечал: «Теперь у богачей, живущих по берегам Абакана, богатством служат большие табуны да бесчисленный рогатый скот и овцы» [1907, с. 226]. В архивных документах о состоятельных хакасах сообщается следующее: «Лица зажиточные находят среди хакасов уважение, хакасы видят в них каких-то необыкновенно могучих людей, обладающих сверхъестественной силой» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 274).

По традиционным воззрениям, *ызыхи* своей сакральной силой оберегали людей и их хозяйства от несчастий, отвращали болезни, способствовали увеличению приплода, охраняли стадо от хищных зверей и воров. В связи с этим В.Я. Бутанаев отмечает: «Посвященные животные – “ызыхи” носили также индоевропейские названия: “*мал худы*” – жизненная сила скота; “*малнын ээзи*” – дух-хозяин скота; “*кизи хуягы*” – броня, т.е. оберег человека; “*кизи хадарчызы*” – страж человека и т.д.» [2003, с. 136].

Ызыхов обычно выбирали из коней, крупного рогатого скота и овец. Предпочтение отдавалось самцам, при этом быков и баранов обычно холостили (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). Как сообщали исследователи, у качинцев* «ысик всегда должен быть мерин», а иногда допускалась и кобыла [Паллас, 1786, с. 562; Яковлев, 1900, с. 104], но у бельтыров «кобылы освящать нельзя» [Катанов, 1897, с. 49]. О роли каждого из разновидностей *ызыха* наш информант говорил: «*Ызых*-конь дает приплод лошадям, *ызых*-бык – крупному рогатому скоту, *ызых*-баран – мелкому рогатому скоту. *Ызых*-конь ставился белой масти. Если *ызых* умирает, то превращается в духа» (ПМА**, инф. Н.П. Тобурчинов, 12.06. 2000 г.). Коз, собак и кошек в *ызыхи* не посвящали.

Правом выбора *ызыха*, как правило, обладали шаманы и почтенные старики, старейшины рода. Считалось, что порой сверхъестественное существо само теми или иными знаками отмечало нужного ему животного. Обычно это происходило с конями, у которых дух «сплетал» гриву и (или) хвост [Бурнаков, 2006, с. 64–65]. «Если спутается у коня грива и сплетается наподобие женской косы, то мы говорим, что так сделал горный дух, а русские говорят, что это суседка. Конь, у которого [спуталась] так грива, годится быть “ызыком” (горного духа)» [Катанов, 1907, с. 577]. Подобные традиции бытовали и у алтайцев:

«*Ызых* называли *ах сёёкту ат* (конь белой кости) или *худайнын ады* (божественный конь). *Ызыхом* была лошадь светлой, серой и гнедой масти. Ее выбирал *кам* (шаман). *Кам* ставил ее на священном месте, возле горы у березы, ветки которой были направлены вверх. Про *ызыха* говорили так: “*Ызыха* Бог наметил, а показал шаман”» (ПМА, инф. И.Д. Авошев, 20.06. 2001 г.). В XIX в. миссионер В. Вербицкий о верованиях алтайцев писал: «Ийик – животное посвященное в жертву. Посвятивший животное для жертвы привязывает (за исключением кондомцев) ему на шею красную ленту. До принесения в жертву хозяин может пользоваться животным, что продолжается иногда много лет» [2005, с. 60].

Каждый сеок (род), а позже и каждая семья имели своего *ызыха* определенной масти. По мифологическим представлениям хакасов, *ызых* – носитель жизненной силы не только домашнего скота, но и всей общины людей – рода и т.д. Как справедливо отмечают авторы известной трилогии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири», «в тюркской модели мира “своя земля” являлась неотъемлемой характеристикой и атрибутом рода (и этноса), обозначается символическими ориентирами – маркерами, важнейшими из которых выступают дерево, гора, река, птица, животное – *ызых*» [1988, с. 30]. Данные воззрения нашли отражение в устном народном творчестве хакасов. «Старые люди до сих пор помнят еще легенду о том, что очень давно был самый старший *ызых Маган** – *ызых* (небесный), цветом буланно-белый. Он жил на горе *Оглах таг*, ниже устья реки Биджи, но племя *Хайдын чон*** кочевавшее по реке Ерге, соорудив скрад и убив *Маган-ызыха*, съело его. *Хайдын чон* хотели этим самым вобрать в себя силу этого священного животного или наоборот – ослабить владельцев *ызыха*... Далее легенда говорит, что какой-то сильный шаман дело повернул так, что *Хайдын чон* стали вымирать и все вымерли» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2–3). Необходимо отметить, что моление небу у хакасов проходило на вершине священной горы. У древних тюрков священные горы назывались *ыдык* (*ыдук*). Л.П. Потапов пишет: «Уместно заметить, что название “ыдык” в применении к горам и к животным, посвященным божествам, в том числе божеству Неба, хорошо сохранилось у алтае-саянских народов» [1991, с. 267–268]. У сагайцев «поднимались на ближнее небо» только те шаманы, которые имели *ызыха*-коня, посвященного небу (*тигирилг ызых*) [Там же, с. 141].

**Маган ат* – белая лошадь со светлыми глазами (альбинос) [Бутанаев, 1999, с. 58].

***Хайдын чон* (кайдынцы) – название одного из сеоков кайбалов (этнической группы хакасов) [Там же, с. 173].

*Качинцы, кызыльцы, бельтыры, койбалы, сагайцы – этнические группы хакасов.

**Полевые материалы автора.

Посвящение *ызыха* существовало в двух основных формах: 1) как самостоятельный обряд (*ызых тайыг*); 2) как один из элементов в ритуалах поклонения небу (*тигир тайыг*), горе (*таг тайыг*), воде (*суг тайыг*) и т.д. «Изых – это освященное и очищенное животное, присутствовавшее почти на всех видах молений» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). Были случаи, когда посвящение *ызыхов* было приурочено к семейным праздникам: обряд совершали при рождении первого ребенка, перед похищением невесты для жениха. О широком участии *ызыхов* в традиционной обрядности хакасов писал Д.К. Зеленин: «Стоит отметить обычай, по которому посвящение изыхов чаще всего приурочивалось к большим праздникам, главным образом весенним... болезни и другие опасности для человека и его хозяйства были столь же частыми поводами к посвящению изыха демонам» [1936, с. 317]. Локальные особенности проведения данного ритуала варьировали в зависимости от родовой и субэтнической принадлежности верующих, а также от его цели. Обычно его совершали два раза в год: «Весной, чтобы был хороший урожай, осенью, чтобы скот стоял спокойно в благополучии» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2).

Одним из первых обрядов посвящения *ызыха* у хакасов описал известный ученый, путешественник-натуралист П.С. Паллас, наблюдавший его у качинцев во время летнего народного праздника *Тун найрам**:

В рассуждении их веры и обрядов мог я у них мало выспросить. Они суть настоящие и в великое невежество погруженные язычники. Доброму богу молятся они с обращенным к востоку лицом. Но они более страшатся злого духа и приносят ему жертвы, дабы он не наслал на них какого бедствия. Оному посвящают они в некоторой праздник, которой обыкновенно бывает весною, жеребца, которой, как они мне сказывали, должен быть или вороной или рыжий. Оного обводят они сперва около разженного для жертвы огня, окуривают травой ирвеном (ирбен – чабрец. – В.Б.), которая ни что иное есть, как небольшая благовонная полынь, обливают и обмывают молоком (которое они также с молитвою в жертвенный огонь или куда-нибудь выливают), и, привязав к гриве и к хвосту красной и белой лоскут, пускают его в табун. Сию посвященную лошадь именуют они Ысыком, и сия церемония каждый год оным возобновляется, при коем случае Шеманы, или Камне (*кам* – шаман. – В.Б.), коих они промежду собой имеют, представляют всегда главное лицо. <...> Самой большой праздник у Кашинских татар (качинцев. – В.Б.), так как и у всех прочих язычников, есть Вешений (Тун), когда оне кобыл доить начинают. Его бывает в июне, которой и называют потому Улу-Шилкер-Ай. Не все однако празднуют его в одно время... По первой разгулке собираются соседи из разных улусов в одно место и приносят на чистом поле, наиболее на холму, торжественную жертву (Худайга Башырага) с празднественными

на востоке молитвами: иначе приносят оне также жертвы послучайно в болезнях или других несгодьях пред их Тысем (*тёсом*. – В.В.), или домовым Богом, коего также и Айма (*айна* – злой дух. – В.Б.) называют; а жертвуют малых зверей кожи, мясо или другое что, что у них есть поважнее. При праздничных жертвах имеет всегда присутствовать их кам, или волхв. И тогда оне посвящают лошадь ысык, а к тому, как я ныне удостоверился, выбирают соловую, сивожелезную, красную или черную, как шаману заблагорассудится, но всегда должен быть мерин. Таковое же посвящение бывает и тогда, когда шаман молит за кого и щастии в скотоводстве. Посвященный таким образом ысык всякую весну, когда етот праздник Тун бывает, освящается снова, моют его молоком с полынью (Ирвень) топленным и, ею же окулив, хвост и гриву раскрася красными и белыми лоскутками, пушают в поле на волю. Хозяин не смеет на него садиться как снег выпадет; а после как однажды обседает, то не может прежде выпустить, как когда снег совсем стаит. Естли ысык состарет, то хозяин может его продать, а на место для посвящения поставить молодого. Когда же хозяин умрет, то ысыка не убивают, а остается он в стаде наследников [1786, с. 464, 561–562].

Как видно из приведенного описания, у качинцев в качестве главного действующего лица в обряде выступал шаман. Наряду с ним важную роль играл сам хозяин посвящаемого животного. Подобные представления сохранялись и в XX столетии. Согласно архивным сведениям, «*ызыха* выбирал шаман. В то время как коня (*ызыха*) держал (ставил. – В.Б.) хозяин. Шаман брал *ирбен* – богородскую траву и проводил им иногда сухим, иногда мокрым несколько раз по спине лошади – с головы до хвоста, а затем спина лошади обливалась молоком в том же направлении. Эта процедура повторялась три раза. Далее лошади вплетали в хвост и гриву разноцветные ленточки (*чалама**), также постоянный атрибут при всех видах молений» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). Отпущенное на волю посвященное животное оставалось на территории рода. Оно становилось родовой святыней. Причем, как верно замечает Д.К. Зеленин, «между человеком и демоном получаются взаимоотношения владельца собственности (демон) и своеобразного арендатора-вассала (человек). <...> Заботясь и помогая своим собственным животным, демон невольно помогает и всему тому стаду, в котором данное, так сказать, арендованное у демона животное находится. Посылая хорошие пастбища, оберегая от хищников и болезней» [1936, с. 289, 318].

По всей видимости, хакасский термин *ызых*, применяемый для обозначения посвященных животных, восходит к древнетюркскому *ïd*, одно из значений которого «посылать» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 217]. В этой связи Э.В. Севортыян пишет: «Боль-

**Тун найрам* – праздник «первого айрана» – национального молочного напитка.

**Чалама* – ритуальная ленточка, обычно белого, синего, красного и реже черного цвета, повязываемая на священный объект.

шинство исследователей связывает *ыйык* с глаголом *ыд* – «посылать» [1974, с. 649]. Подобное значение слова *ызых* встречается в работе выдающегося тюрколога Н.Ф. Катанова, отмечавшего, что «священные животные (лошади, овцы, олени и пр.) и прочие предметы, посвящаемые духам для умиловления их, называются: у якутов “ытык”, у карагасов и урянхайцев “ыдык”, у минусинских татар “ызык”, у алтайцев “ййк”, у телеутов “ыйык”, у чуваш “йирих” и “йырых”. Глагол, от которого произведены эти слова, по-русски значит “посылать”, “посвящать» [1897, с. 24]. Аналогичной интерпретации придерживается В.Я. Бутанаев, утверждающий, что термин *ызых* восходит к глаголу *ыс* – «посылать, отправлять», т.е. отправленный, принадлежащий духам [2003, с. 136].

У многих этнических групп хакасов (сагайцев, качинцев, койбалов, бельтыров) *ызых тайыг* проводился в определенном месте, как правило, на почитаемой горе у священной березы (*най хазын*) и часто был связан с поклонением духу-хозяину горы (*таг ээзи*). Обряд сопровождался жертвоприношением баранов. Подобная обрядовая практика имела распространение у шорцев [Дыренкова, 1940, с. 291]. У кызыльцев же Саралинского (ныне Орджоникидзевского) р-на, по данным Д.Е. Хайтуна, посвящение *ызыха* не было связано с почитанием *таг ээзи* и проходило без кровавых жертвоприношений [1959, с. 119–120].

При посвящении *ызыхов* большое внимание уделялось масти (*тук*) животного. В.Я. Бутанаев сообщает: «Самыми почитаемыми животными у хакасов считались лошади. Среди них освящались кони 12 мастей: сивые (*кёк*), серые (*пора*), белые (*маган*), белесые (*ах чангмыл*), соловые (*сарыг*), буланые (*ой*), чубарые (*парыс чохыр*), чалые (*хыр*), рыжие (*позырах*), карие (*кюренг*), вороные (*хара*) и каурые (*хоор*). В сагайской части Хонгорая (Хакасии. – **В.Б.**) дополнительно встречались игреневые (*сабдар*), мухортые (*халтар*) и гнедые (*торыг*) масти. Освящаемых коней “ызыхов” пестрой масти (*ала*) у хакасов не было» [2003, с. 139]. Уже отмечалось, что изначально у хакасов *ызыхи* были родовыми, т.е. оберегали родовое стадо, а не индивидуальное. Память об этом сохранялась в том, что члены отдельных родов выбирали *ызыхами* животных определенной масти. По материалам исследователей, у сеока *Хасха ызыхи* были рыжие и бурые, *Кыргыз* – соловые, сивые, *Соххы* – белые, *Пюрют* – соловые, *Аара* – рыжие, *Хобый* – бурые и вороные, *Харга* – бурые, вороные, соловые, *Хахпына* – каурые, *Аба* – гнедые, *Хызыл* – мухортые, *Пугалар* – каурые, у фамилии Кыштымовых – соловые и т.д. [Бутанаев, 2003, с. 139; Клеменц, 1892, с. 25; Яковлев, 1900, с.104; Потапов, 1977, с. 170] (ПМА, инф. Е.Н. Арчимаев, 24.07. 2001 г.). По сведениям В.Я. Бутанаева, «если нужной масти в стаде не было, то приходилось покупать на стороне» [2003, с. 137].

Родовое и субэтническое своеобразие в обрядах посвящения *ызыха* акцентировалось еще и дополнительными средствами – ритуальными лентами *чалама*, вплетаемыми в гриву и хвост животного. На более широкие вариации цветов *чалама* у хакасов, по сравнению с другими народами Сибири, обращал внимание Д.К. Зеленин [1936, с. 311]. Качинцы использовали для рыжего *ызыха* белые и красные *чалама*, для бурого – белые и черные; бельтыры – белые, красные и синие (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). По данным Д.Е. Хайтуна, у сагайцев были белые, красные и черные *чалама*, у кызыльцев и качинцев – синие и белые [1959, с. 119]. Нередко хакасы брали *чалама* для *ызыхов* с шаманских бубнов и считали, что они служат «оберегателями животного от нападения нечистого духа» [Яковлев, 1900, с. 25, 105; Катанов, 1897, с. 49; 1907, с. 594–595].

Согласно материалам В.Я. Бутанаева, «обычно освящаемые животные передавались по наследству от отца к младшему сыну. Если не было прямых наследников по мужской линии, то “ызыхи” переходили к дочери и принимались ее мужем. В том случае, когда у хозяина не было детей, тогда “ызых” мог передаваться брату» [2003, с. 137–138]. При этом необходимо отметить, на «потомство ызыха святость его не распространялась» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2). За *ызыхом*-конем мог ухаживать только мужчина.

Как уже говорилось, в хозяйстве хакасов *ызыхов* могло быть несколько: отдельно для лошадей, крупного рогатого скота и овец. «Коровьи» и «овечьи» *ызыхи* в большей степени были распространены в притаежной части Хакасии у сагайцев и кызыльцев. Если посвященной была корова, то ухаживать за ней и доить ее (причем только после третьего теленка) могли только незамужние женщины [Хайтун, 1959, с. 120; Бутанаев, 2003, с. 143]. В хвост бурого «коровьего» *ызыха* вплетались ритуальные ленты красного цвета. Наиболее распространенной мастью данной категории *ызыхов* являлась коричневая. В то же время, как пишет В.Я. Бутанаев, «в редких случаях встречались волы “ызыхи” другого окраса. Так, например, у сеока “аара” коровьим “ызыхом” был вол черной масти, у сеока “ичеге” – белый бык с красными ушами, у сеока “том” – мухортый бык, у сеока “сайын” – чубарый вол» [2003, с. 143]. У качинцев посвященной была черная корова [Хайтун, 1959, с. 119]. Считалось, что *ызыхи*-коровы бурой и черной масти помогают еще и «при судорогах рук и ног» [Катанов, 1893а, с. 94–95; 1907, с. 290, 577].

При выборе «овечьего» *ызыха* (*хой ызыгы*) также учитывалась масть. Качинцы предпочитали желтый цвет, сагайцы и бельтыры – серый (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). Распространены были желтые *ызыхи*-валухи с красными щеками (*сарыг хой*

ызыгы), встречались белые с черными ушами (*хара наахтыг ах хой ызыхтыг*), черные со светло-желтыми щеками [Бутанаев, 2003, с. 143]. При посвящении «овечьего» *ызыха* его обмывали таким же образом, как и «конского» [Катанов, 1907, с. 595, 597]. Украшали его красными и синими ленточками *чалама*, привязанными на загривок и на основание хвоста.

В.Я. Бутанаев зафиксировал у сагайцев долины р. Аскиз *ызыхов*-петухов с красным опереньем, которые покровительствовали домашней птице [2003, с. 143].

Ызыхи выбирались на различный срок: «Одни неприкосновенны на всю свою жизнь, другие же только до назначенного момента» [Зеленин, 1936, с. 304]. «Если съест ызыка волк, то вместо съеденного посвящают такого же нового ызыка» [Катанов, 1907, с. 291]. Наиболее распространенным был трех – девятилетний срок (*ызых тими*). Коней и волов посвящали в трехлетнем возрасте (*тай*) и в качестве *ызыхов* держали до семи или девяти лет. По данным Е.К. Яковлева, до девяти лет оставались священными кони сивой и соловой мастей, как старшие по рангу, а все остальные – до семи [1900, с. 105]. *Ызыхи*-валухи посвящались в годовалом возрасте. Их заменяли через каждые три года, в редких случаях – через шесть лет [Бутанаев, 2003, с. 137].

В тех случаях, когда хозяин принимал решение держать (*тударга*) нескольких *ызыхов*, соблюдалась очередность их посвящения: сначала «конский», через неделю «коровий», а «овечий» в один день с любым из них [Там же, с. 145].

Кому и с какой целью посвящались ызыхи

Посвящение *ызыхов*, как говорилось выше, было явлением многоплановым. В связи с этим Д.К. Зеленин отмечал: «В деталях отношение к ызыху довольно разнообразное, даже иногда у одного и того же народа. Сами ызыхи различны, в зависимости от своего назначения» [1936, с. 303–304]. В конце XVIII в. известный исследователь Сибири И.Г. Георги, описывая быт коренного населения, сообщал, что скотоводы посвящают *ызыхов*, «дабы предохранить стада от бед или привлечь на оные благословление и размножение» [1799, с. 111–112]. По сведениям Н.Ф. Катанова, хакасы посвящали в качестве *ызыха* овцу «для благополучия ягнят» [1907, с. 290]. У сагайцев назначение *ызыха* – стеречь табуны. При посвящении животного шаман просит у духа «дать им силу прогонять хищных зверей и воров» [Каратанов, 1884, с. 19–20]. П.Е. Островских зафиксировал случай, когда у одного качинца потерялась лошадь из стада, и шаман сказал ему: «Хорошо, что у тебя есть ызых: коня твоего недалеко увели» [1895, с. 338].

У кызыльцев, по словам Д.А. Клеменца, «изых имеет только значение покровителя и оберегателя стада» [1892, с. 25]. Н.Ф. Катанов о религиозных представлениях хакасов, связанных с *ызыхом*, писал: «Исцелению больного помогают, кроме камлания, жертвы, приносимые духам, причинившим болезнь, и кони, посвящаемые им» [1897, с. 28]. «Чтобы не хворать известным родом болезней, минусинские татары посвящают коней тем духам, которые могут причинить и уничтожить эти болезни» [Катанов, 1893б, с. 538]. Подобные ответы на вопрос о назначении *ызыхов* можно было получить от хакасов и в XX в.: «чтобы был здоровый скот» и «чтобы никто не заболел в семье» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 1). Как видно из сказанного, *ызыхи* выполняли сакральную, репродуктивную, апотропейную и лечебную функции. Это определяло ритуальную и нормативную практику в отношении *ызыха* – представителя духа-покровителя. Посвященное животное становилось своего рода средством связи, объединяющим человека и все скотоводческое хозяйство в целом с тем или иным божеством. За ним ухаживали, его умилоствляли, боясь чем-нибудь разгневать духа. «Ежемесячно на полнолуние (*ай толызы*) хозяин окуривал священное животное “ызых” богородской травой и окроплял *араккой* (в подтаежной местности – ячменным квасом “*абыртхы*”). Если не совершать обряд окуривания и кропления, то от воздействия окружающей нечисти (*пуртах*) “ызых” заболевает (*пулайсыт*)» [Бутанаев, 2003, с. 145].

Ызыха посвящали божеству подземного мира Эрлик-хану. Обряд с жертвоприношением белого ягненка проводился весной и осенью. Весенний совершался не раньше того времени, когда впервые начинала куковать кукушка. Накануне посвящения *ызыха* шаман должен был всю ночь камлать, при этом произносить «молитвы, касающиеся только ызыхов» [Катанов, 1907, с. 291].

По всей видимости, правы Д.К. Зеленин и Д.Е. Хайтун, утверждавшие, что *ызыхи* имели непосредственную связь с тотемными культурами [Зеленин, 1936; Хайтун, 1959, с. 111–124]. Среди тотемов выделялись горы, камни, деревья, домашние фетиши – *тёсы*, отдельные виды животных и др., которые, согласно традиционным верованиям, оказывают «родственным по крови» поклонникам покровительство, содействуя их материальному благосостоянию, защищая от козней земных и сверхъестественных врагов. Реликтом данных воззрений явилось то, что хакасы видели в хозяевах гор (*таг ээзи*) покровителей *ызыхов*. Посвященные кони «служили ездовыми животными горных духов и поэтому именовались “*таг ызыгы*” – горные “ызыхи” или “*чир ызыгы*” – земные “ызыхи”. Они обязательно должны были принимать участие в ритуалах горных жертвоприношений (*таг тайыг*)» [Бутанаев, 2003,

с. 141]. Н.Ф. Катанов и Е.К. Яковлев описали ежегодное горное жертвоприношение (*таг тайыг*) хакасов, с которым было связано посвящение духам горы и воды вороного или бурого коня. Шаман на вороном коне, посвящаемом горному духу, и его помощники объезжали посолонь три раза юрту домохозяина. На горе *ызыха* привязывали к березе, и шаман «бросал на нее коровьего молока». Вокруг дерева и привязанного к ней животного ходили кругом три раза. Шаман лил молоко на спину коня из деревянной чашечки, после чего ставил ее на спину животного у хвоста. Затем коню предоставлялась свобода, и обряд на этом заканчивался [Катанов, 1897, с. 31]. Е.К. Яковлев описывает посвящение коня очень кратко: конь «привязывается к березке и после обмахивания шаманом и прочтения молитв пускается на волю» [1900, с. 52].

В шаманской поэзии о хозяине горы (*таг ээзи*) говорилось следующее: «Жертвою горному духу служит пар, исходящий из морей и лесов. Горы этого духа покрыты таволожником и ягодами. Ездит он на бурых конях, гривы и хвосты которых обхватывают всю землю. Кнут его – черная выдра, подхвостник его лошади – серая выдра. Украшается он сам черным сукном, лежит на отвесной скале. Одевается черным бархатом, носит шапку из черного камчатского бобра и отдыхает в тени березы, имеющей золотые листья» [Катанов, 1893а, с. 91–92].

В хакасской мифологии у каждой масти животных свои покровители. «Конь служит для скотовода признаком, по которому скотовод часто распознает чужих людей; по тому же признаку он определяет и своих демонов» [Зеленин, 1936, с. 298]. В связи с этим Д.Е. Хайтун писал: «*Таг ээзи* каждого рода имели разный цвет лица и коня соответствующей масти. В зависимости от них и находилась масть *ызыха*. *Таг ээзи* сеока *Хыргыз* имел бурый цвет и ездил на коне бурой масти» [1959, с. 121]. В хакасской демонологии выделялись покровители голубых коней, рыжих (хан *Кинен*), соловых (хан *Салыг*), вороных (хан *Тума*), гнедых (хан *Кёрмес*) и др. В шаманских призываниях, как правило, описывались места обитания и отдыха духа, масть ездового животного, материал, из которого изготовлен кнут, водные источники, где он поит коня, а также «лечебная специализация» и др. Например, о покровителе голубых коней сообщалось, что он «живет на белом хребте в верховьях Абакана, отдыхает в тени березы, имеющей золотые листья. Подножием ему служат белые облака. Ездит на голубом жеребенке. Отец его святой Аркай, а мать – святое небо (Тигір)». «Покровитель рыжих коней “хан Кинен”* излечивает мигрени. В жертву ему приносится мясо серны или диких коз, рыба или растение кандык».

*Улуг тѣс, Хызыл тѣс, Позрак тѣс [Бутанаев, 2003, с. 122–129].

«Покровитель соловых коней “хан Салыг” живет в Южной Монголии. В жертву ему приносится мясо серны или дикой козы или ленок. Он исцеляет внутренние болезни людей и скота». «Покровитель вороных коней “хан Тума”** излечивает больных, хворающих тифом или горячкою. В жертву ему приносится мясо серны или дикой козы и ленок». «Покровитель гнедых коней “хан Кёрмес”*** исцеляет чахотку и другие грудные болезни. В жертву ему приносится мясо скотское или лошадиное». «Дух, покровительствующий телеутам, ездит верхом на голубо-сивом коне. Трость его из серого тальника, растущего на песке, пища его – мерзлое масло и чистая каша» [Катанов, 1893а, с. 113].

Хакасы верили, что во главе всех духов-покровителей *ызыхов* стоял *Ызых-хан*. Его верховное покровительство распространялось на посвященных коней всех мастей. Согласно хакасскому фольклору, *Ызых-хан* жил за 18 *тасхылами* (горами). «Шаман отправляется и, войдя к нему, здороваётся. Двери и ворота, могущие открываться, там тоже есть. Есть там золотое озеро, золотой водопой и золотой столб, к которому привязываются освященные кони (ызых). Если достичь до их хана, то по правую сторону того столба можно увидеть березу, к которой также привязываются ызыхи. Там у хана ызыхов есть и воины, и 7 собак. На конях его есть поводья, обтянутые красным шелком. Конь у него молодой жеребенок 2 лет, вороной» [Катанов, 1907, с. 290]. К *Ызых-хану* обращались со словами:

Кнут у тебя из ракитника сделан!
Ты отдыхаешь, едва переправит
Конь твой тебя через бурную реку!
Ты, о Береза с листовой золотистой!
Ты, покровитель священных коней.

[Там же]

Обряд посвящения *ызыхов* проводили на сакральной горе, у священной березы (*най хазын*). Как известно из мифологии, эти объекты являлись связующим звеном между мирами людей и духов [Мифы..., 1997, с. 311]. Подобные медиаторные функции в мифологическом сознании хакасов объединяли образы горы, дерева и *ызыха*. Практически при всех видах общественных молений, обращений к божествам они стали составлять единый обрядовый комплекс. И даже совершая обряд дома, старались придерживаться подобных правил. Так, например, устанавливали в юрте березу, привязывали к ней ленты *чалама* тех же цветов, что и к *ызыху*, а потом относили дерево в лес в такое место, где «не ступает человеческая нога». В некоторых случаях березу помещали на крыше двора [Катанов, 1897, с. 55; 1907, с. 594–595].

*Хус тѣс [Там же].

**Кѣк чага [Там же].

В мифоритуальной традиции хакасов важнейшее место занимал культ огня. Огонь почитался как божество домашнего очага и использовался во всех обрядах жизненного цикла, во всех общественных – родовых, улусных – ритуалах, календарных праздниках и т.д. [Бурнаков, 2006, с. 52–66]. В связанный с ним обрядовый комплекс органично вошел *ызых*. Божеству огня хакасы посвящали гнедого коня «для отвращения беды от людей и скота» и раз в три года (иногда в семь лет) – рыжих кобылиц для «избавления семейства от головной и глазной боли» [Катанов, 1897, с. 35, 49; 1893б, с. 538; Яковлев, 1900, с. 103–104]. В отчете 1897 г. Н.Ф. Катанов описал посвящение духу огня гнедого коня у сагайцев. Обряд совпал с жертвоприношением барана этому духу и камланием для исцеления ребенка. Исследователь сообщал, что, помимо «хозяйки огня», шаманка «призывала водяного и горного духов, причиняющих людям кашель» [Катанов, 1897, с. 34–37]. К духу огня обращались со следующими словами:

Ты, огонь, – мать моя, имеющая 30 зубов,
Ты – моя теща, имеющая 40 зубов!
Ездишь ты верхом на рыжей кобылице,
еще не жеребившейся,
Украшаешь [свой наряд] красными лентами
[Катанов, 1907, с. 547]

Ызыхи сивой масти посвящались духам воды (*суз ээзи*). Считалось, что «хозяйин воды» «подаёт помощь “черным головам” (*хара нас*), т.е. людям, и покровительствует “пасомым” (*хадарган*), т.е. домашним животным» [Катанов, 1893а, с. 91].

Ызых, выполнявший вотивную функцию, имел непосредственную связь с домашними семейно-родовыми божествами – *тёсами*, материализованное изображение которых в прошлом имелось в каждой хакасской юрте. Д.К. Зеленин отмечал: «Изых-конь считался почти непременно принадлежностью в культе каждого из минусинских, особенно сагайских онгонов (*тёсов*. – **В.Б.**)» [1936, с. 300]. Е.К. Яковлев упоминал об особых «*тёсях ызыхов*», к которым относится сагайский *Тума-тёс*: «*Тума-тёс* – на крученной нитке 25 см дл. нанизаны семь хвостовых перьев тетерева или глухаря... ставится рядом с другими *тёсями ызыхов*» [1900, с. 52]. По сведениям Д.А. Клеменца, у кызыльцев домохозяин, имевший в табуне *ызыха*, ставил в переднем углу юрты *ызых-тёс*, представляющий собой вилообразную палочку с двумя лоскутками – синего и белого цвета, т.е. таких же, какие вплетались в гриву посвященного коня [1892, с. 33].

Согласно верованиям, *тёсы* покровительствовали людям и охраняли домашнее хозяйство, одинаково помогали при болезнях людей и скота, однако, подобно духам-хозяевам природных объектов и стихий, при неисполнении человеком своих обязанностей

(почитание и кормление духов) нередко насылали болезни [Бурнаков, 2006, с. 83]. В мифологическом сознании хакасов происходила антропоморфизация духов. Сверхъестественные существа наделялись теми же потребностями, которые были свойственны людям. Считалось, что *ызых* служит *тёсам* в качестве ездового животного – для передвижений, «так как не будет же демон ходить пешком, когда теперь каждый скотовод считает ниже своего достоинства пройти пешком расстояние около полкилометра» [Зеленин, 1936, с. 324]. В связи с этим вызывают интерес сведения, записанные Н.Ф. Катановым в Туве. Когда у тувинцев стали широко распространяться глазные заболевания, они объяснили данный факт появлением «блуждающей души человека с белой Тубы». Местное население полагало, что прибытие демона мотивировано его желанием стать для тувинцев *тёсом*. Поселившись у них, «он начал нуждаться в *ызыхе*». Духу посвящали красно-голубого коня со «змеиной спиной», т.е. с черной полосой на спине, – и после этого глаза у тувинцев якобы перестали болеть [Катанов, 1907, с. 501].

Одновременно с посвящением *тёсу ызыха* нередко ставили тому же духу *лекана**, т.к. функции того и другого в представлениях скотоводов более или менее совпадали: обеспечить духу вместилище в доме человека и другие житейские удобства, в частности, передвижение на собственном *ызыхе* [Зеленин, 1936, с. 323]. У хакасов почти каждому *тёсу* соответствовал свой *ызых* в виде коня или барана. При их выборе большое значение придавалось окраске шерсти животного и цвету лент *чалама* [Катанов, 1907, с. 566–574; Клеменц, 1892, с. 25; Яковлев, 1900, с. 50–53]. В обряде посвящения транспортная функция освящаемого коня выражалась в том, что на его спину устанавливали *тёс*, которому он предназначался. Например, при посвящении вороного *ызыха* «на него усаживали фетиш “хус *тёс*” (у качинцев) или “*тума тёс*” (у сагайцев)» [Бутанаев, 2003, с. 142]. Этим представлениям соответствовала ритуальная практика: «Леканы своих онгонов сибирские народы большею частью перевозили при перекочевках именно на *ызыхах*» [Зеленин, 1936, с. 298].

Известны следующие *тёсы*: *Тилег*, *Чалбах*, *Кинен*, *Хозан*, *Хус* (покровитель птиц), *Илгерге* (*Искерке*, покровитель телеутов), *Ас тёс*, *тёс*, «причиняющий глазные болезни», и др. Хакасы верили, что *Тилег* ездит верхом на сине-сивой кобыле и помогает больным телятам и овцам; *Чалбах* с изображением на нем трех человеческих фигур ездит на рыжей кобыле и приносит пользу больным людям и скоту; *Кинен* ездит на рыжей кобыле, помогает зверям и охотникам. *Хозан*

**Лекан* – материализованный объект, символизирующий воплощение в нем духа, например, в виде куклы.

имел *ызыхом* солового коня [Катанов, 1907, с. 596], у сагайцев – «белую, без отметин овцу», у кызыльцев – корову [Клеменц, 1892, с. 30]. Считалось, что *Хус*, избавляющий от боли в «верхней части лопатки», ездит верхом на вороно-карем коне, питается черными тетеревами, его конь ест траву на горе *Сюбюр* и пьет из молочного озера [Катанов, 1893а, с. 91]. *Илгерге (Искерке)** посвящали «белого ягненка, имеющего желтые уши и желтые щеки» (или барана с «желтой головой»). Этого ягненка обмывали так же, как и посвящаемых коней; в отсутствие шамана «кадить на него» могла и женщина. Украшался красными и синими ленточками *чалама*, привязанными на загривок и на основание курдюка. Хакасы верили, что *тёс Илгерге* помогает, когда болят уши, глаза, зубы и руки. Качинский шаман просил его: «Будь добр к скоту и к людям» [Катанов, 1907, с. 594]. По сведениям В.Я. Бутанаева, помимо указанной масти, среди «овечьих» *ызыхов* у хакасов были белые с черными ушами (*хара наахтыг ах хой ызыхтыг*). Считалось, что своей расцветкой они напоминают почитаемого белого зайца. Поэтому его фетишем также служил *хозан тёс* – «заячий тёс» [Бутанаев, 2003, с. 143]. К *тёсу*-покровителю телеутов обращались со словами: «На сине-сивом коне ты приехал сюда в полдень из города Кузнецка» [Катанов, 1907, с. 574]. Согласно представлениям хакасов, *Ас тёс***, покровительствующий людям и домашним животным, избавляющий от глазных заболеваний, ездит «верхом на бело-голубом коне, спина которого извивается подобно змее», живет в «Китайской земле, курит красный табак. Трубка и стремяна – из желтой меди. Кайма его платья – из черной парчи. Обмахивается он черной бязью» [Катанов, 1893а, с. 91]. Считалось, что *тёс*, «причиняющий глазные болезни», и, соответственно, избавляющий от них, ездит «верхом на кровяно-рыжем коне, повода которого из красного шелка» [Катанов, 1907, с. 568].

Как видно, посвящения *ызыхов* для исцеления от болезней были обычной практикой у хакасов. Вполне возможно, что в отдельных случаях животное посвящалось именно тому сверхъестественному существу, от которого ждали исцеления больного. П.Е. Островских записал сведения о качинском шамане, камлавшем без бубна. По его данным, «изгонявшиеся из больного духи изгонялись в животных» [1895, с. 344]. В связи с этим, по всей видимости, не лише-

но оснований предположение Д.К. Зеленина о том, что изначально *ызых* представлялся «вместилищем вредоносного духа» [1936, с. 289]. Хакасы в случае высокой смертности людей и скота, а также для избавления от ревматизма и глазных заболеваний посвящали всегда коня голубой масти. В этих обстоятельствах выбор родовой масти *ызыха* значения не имел [Яковлев, 1900, с. 104]. По всей видимости, здесь *ызых* рассматривался как представитель того духа, которому он был посвящен. Подтверждением тому является высказывание нашего информанта: «“Овечий *ызых* (*хой-ызых*) пристал”, – говорят, когда заболевают зубы, глаза или уши» (ПМА, инф. Г.Н. Топоева, с. Аскиз, 29.09. 2000 г.).

В культе скотоводческих *тёсов* выявляется одна особенность: некоторая их часть ставилась не внутри, а снаружи юрты. Отдельные *тёсы*, например, *Хус*, *Тилег*, *Илгерге* и др., помещались даже на «огороже скотских загонов» и на степных пастбищах [Яковлев, 1900, с. 109]. У некоторых групп бельгиров *ызых тайыг* совершался во дворе домохозяина. «*Ызыха* привязывали к забору; он покрывался нарядной попоной, украшался *чалама*. В доме в течение трех дней шаман проводил камлание. Шаман время от времени выходил во двор, окуривал *ызыха* богородской травой (по-хакасски *ирбен*) и обрызгивал *аракой* и специально сваренным мучным пивом» [Хайтун, 1959, с. 120]. По всей видимости, трансформация родовой структуры приводила к тому, что значение *ызыха* как родовой святыни сужалось до уровня семейной ценности. *Ызых* становился семейно-фамильным и «отвечал» за благополучие отдельных домохозяйств.

При заболевании скота хакасы проделывали следующее: «Квасили муку, лили в нее абсолютно чистую воду, не бывшую в употреблении, и лили закваску. Шаман устраивал камлание (моление). Он брал нечто вроде черпака и черпал закваску, брызгая ею вверх. Затем из оставшейся закваски делали *араку* (водку); шаман окуривал *ызыха ирбеном* и, обходя по солнцу и наоборот, *аракой*, криком, возгласами и заклинаниями изгонял духов болезни. Вся эта операция совершалась там, где находился скот» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2).

Ызых-конь как сакральный объект участвовал в процессе гадания – *тёрик*. Как правило, оно проходило на обрядах посвящения животного. *Ызыха* три раза обводили по солнцу вокруг священной березы (*пай хазын*). На круп коня устанавливали *тёс* и наполненную молоком (или вином) чашу с ложкой. При движении *ызыха* предметы падали на землю. Считалось положительным знаком, когда они дольше удерживались на крупе животного. Если чаша падала дном вниз, а *тёс* – головой вверх, то это означало, что *ызых* угоден духам и они умиловлены. В та-

**Илгерге (Искерке)*, согласно интерпретации В.Я. Бутанаева, является вторым названием *Хозана* [Бутанаев, 2003, с.143]. Однако Н.Ф. Катанов их противопоставляет [1907, с. 568–570, 574, 576–577, 594–596].

***Ас тёс* в переводе Н.Ф. Катанова – «Покровитель хлебных растений», в варианте В.Я. Бутанаева – «*тёс* народа аз» [2003, с. 124].

ком случае участники обряда радостно восклицали «*ах тёрік*» – «белая (хорошая) судьба». Хорошим предзнаменованием было, если конь трижды фыркал. Когда чаша падала дном вверх, а *тёс* – головой вниз, произносили «*хара тёрік*» – «черная (плохая) судьба». Это считалось негативным предвестием. В такой ситуации надлежало еще трижды повторить гадание. После трехкратного «неудачного» результата *ызыха* следовало заменить другим [Бутанаев, 2003, с. 148; Яковлев, 1900, с. 105–106].

Посвящение животного тому или иному божеству накладывало ряд обязательств по отношению к окружающей природе и ее «невидимым обитателям». «Качинцы и сагайцы считали преступлением рубить и портить березу... по окончании *тайыга* березу нужно было обратно посадить, притом в хорошую землю, чтобы росла» [Хайтун, 1959, с. 120].

Главной отличительной особенностью *ызыха* были его неприкосновенность и свобода. Причем выпуск посвященного животного на волю – одно из проявлений этой неприкосновенности. В XIX в. енисейский губернатор А.П. Степанов писал: «Они (хакасы. – В.Б.) имеют освященные холмы и рощи, куда собираются в известное время праздновать по обрядам жертвоприношение. Они закалывают овцу без всякого жреца, через кого-нибудь из старейшин. Отправляют годовой праздник, в которой избирается из всех улусов наилучшая белая лошадь: ее приводят на место освященное, скидают уздечку и пускают на свободу. С тех пор никто не смеет прикоснуться к ней: она бродит по воле и пристает к любому табуну» [1997, с. 163–164]. Запрещалось не только бить (ударять) *ызыха*, но и прикасаться к нему посторонним: «Если на освященного коня сядет посторонний человек, то этот человек захворает. Потника, седла и узды освященного коня нельзя класть и надевать на другого коня» [Катанов, 1907, с. 290–291]. На коне-*ызыхе* нельзя было работать. В дальнейшем в силу социокультурных изменений это правило некоторыми домохозяевами соблюдалось не так строго. На данный факт указывают архивные сведения: «На *ызыхе* не работали, правда, если у человека не было другого животного, то использовали и его. Данное разрешение появляется много позднее» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2).

Хозяин мог использовать посвященное животное для езды. При этом *ызых* имел особую, хранимую отдельно сбрую, которая каждый раз перед ее надеванием «очищалась» путем окуривания *ирбен* [Хайтун, 1959, с. 120]. Для женщин *ызых*-конь представлял полную и безусловную неприкосновенность. Им было запрещено не только подходить к освященному коню, но даже прикасаться к поводу узды [Катанов, 1897, с. 28; 1907, с. 216]. Данный запрет, вероятно, исходил из традиционных представ-

лений о «нечистоте» женщины в силу ее физиологических особенностей и в то же время из осознания ее как «чужеродки». По материалам В.Я. Бутанаева, исключение из правил составляли женщины, родившие девять сыновей [2003, с. 142].

В случае гибели *ызыха*, в т.ч. и от удара молнией, шкуру животного вместе с головой и конечностями вешали на лиственницу в лесу, а тушу помещали на специально сооруженный помост, тем самым предохраняя ее от «осквернения» волками и собаками [Катанов, 1897, с. 39–40; Бутанаев, 2003, с. 144].

У хакасов, как уже отмечалось, старого *ызыха* обычно заменяли молодым такой же масти. Для этого проводили обряд *ызых чулурга* – «снятие святости». *Ызыха* привязывали к ритуальному столбу. Умерщвляли жертвенную овцу. Кости расчленили по суставам. Мясо клали в котел с кипящей водой и, отварив, выкладывали на *тунси* (стол). Во время обряда руководитель (*нурхан алгысчыл*) обращался к *Ызых-хану*, у которого «забиралась» обратно душа освящаемого животного – *ызых чулазы*. Животное обмывали отваром богородской травы (*ирбен*) и затем снимали с него ритуальные ленты *чалама* [Бутанаев, 2003, с. 148]. «Отслужившего» срок животного разрешалось продавать и закалывать на мясо (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 2). По сообщению Е.К. Яковлева, представители качинских родов *Кыргыз* и *Пюрют* объясняли ему факт продажи тем, что бывшая *ызыхом* лошадь якобы долго не живет, «пухнет» и болеет. Оттого они стараются сбыть ее на сторону [1900, с. 105].

***Ызыхи* в советское время**

С установлением Советской власти и утверждением новой атеистической идеологии началась борьба с шаманизмом. Партийные работники выявляли «классовую сущность» данного этнокультурного явления. Под «удар» попали и *ызыхи*. Атеисты-агитаторы заявляли: «Особенно ярко выразилась классовая сущность шаманства в годы ликвидации кулачества как класса. Шаманы повсеместно от мелкого до крупного выступали в защиту за “священную” неприкосновенность *ызыхов* и угрожали верующим наказанием нечистых сил за изъятие у кулаков *ызыхов*, за обобществление *ызыхов* и за то, что используя *ызыхов* на колхозной работе, якобы “опоганивают” священную чистоту *ызыхов* и т.д. Это была прямая защита “священной” частной собственности баев-кулаков. Это была открытая защита интересов умирающего байства. Этим шаманы вскрыли свое антинародное лицо, проявили себя яркими противниками новой колхозной жизни. Иначе не могло быть, ибо известно, что каждый шаман был сам дармоедом, эксплуата-

тором и баем. Вполне понятно, что советский народ осудил это поведение шаманов и более ярких подвергли строгому наказанию за антиколхозные выступления» [О шаманизме, л. 11].

В культуре посвященных животных советские органы усматривали опасность для строительства новых форм народного хозяйства. Большое раздражение вызывало то, что *ызых* считался неприкосновенным и практически не использовался: «Какой вред наносило это освящение животного? Во-первых, часть скота (лошади, быки), если позволено будет сказать, “бездельничали” в течение ряда лет, облеченные саном святости, а это сильно сказывалось в страдную пору и особенно в той семье, где скота было мало. Во-вторых, приглашение шамана при посвящении, при отращивании болезней и т.д. требовало щедрой платы ему, во всех случаях шаман был необычайно алчным и требовал за все плату: и за камлание, и чаламу, и даже за ирбен. Для бедного человека наличие изыха превращалось в жернов на шее. И наконец, что самое вредное, как и в других религиозных культурах, это то, что хакас, вместо того чтобы изыскивать средства лечения больного скота травами, мазями и т.п., обращал свой взор к богам, духам, шаманам» (ОДНИ ГАРХ. Ф. 656. Оп. 1а. Д. 23. Л. 3–4).

Пропагандистами коммунистической идеологии для обоснования борьбы с проявлениями шаманизма привлекались новейшие достижения науки и техники того времени. Строители коммунизма на реальных примерах новых форм хозяйствования, внедрения передовой технологии обработки земли, выращивания скота, развития ветеринарной службы и культурного строительства в целом демонстрировали цивилизационное и идеологическое превосходство атеистической науки над «шаманскими суевериями», которые, по их мнению, препятствовали развитию общества. «Раньше хакасы были бессильны перед стихийными силами природы и искали защиты от стихийных бедствий в жертвоприношениях бесчисленными тайыгами. Например, “Тигир тайыг” – жертвоприношение небу для того, чтобы вызвать дождь; “Хазын тайыг” – жертвоприношение березе для того, чтобы вызвать обильный урожай на сено и травы в полях, и ряд других подобных тайыгов. Теперь эти тайыги безвозвратно исчезли. Трудящиеся советской Хакасии теперь не бессильны перед стихийными силами природы, в частности, перед засухой. С засухой теперь борются не шаманскими жертвоприношениями, а при помощи советской передовой агробиологической науки, проводятся многочисленные каналы для обводнения и орошения полей, организуется снегозадержание, весенний предпосевный полив, поля удобряются навозом, золой, химическими удобрениями, организуется правильный севооборот и т.д.» [О шаманизме, л. 16].

Агитаторы колхозного и совхозного строительства в своих выступлениях акцентировали внимание на полной зависимости жизни хакасов-шаманистов от природной среды, на консервативности и малоэффективности способов их хозяйствования, преимущественно экстенсивных. В противовес идеологеме «нужно жить в согласии с природой» выдвигался лозунг «нужно бороться с природой». Опираясь на науку и применяя более эффективные методы хозяйствования и технику, советский человек должен был покорить «природные силы».

Культ *ызыхов* был запрещен, однако в отдаленных притаежных поселениях «овечьи» *ызыхи* еще встречались в советские годы. По поводу исчезновения практики посвящения животных хакасские старики сетовали: «*Ызых чурты талал парды*» – «Разрушился уклад жизни, связанный с почитанием освящаемых животных – *ызыхов*» [Бутанаев, 2003, с. 148].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что у хакасов посвящение *ызыхов* в большей мере было связано со скотоводством. Каждый род имел своих *ызыхов*, которые выделялись из стада особым религиозно-благоговейным отношением к ним со стороны людей. Важное значение, придаваемое *ызыху*, способствовало включению его в мифоритуальный комплекс, связанный с почитанием божеств Среднего, Верхнего и Нижнего миров. Идеологическое содержание данного культа было широким: *ызых* являлся ездовым животным духа, посредником между людьми и сверхъестественными существами, служил для обмена на душу больного. Он выполнял благотворительную, охранительную, лечебную и другие функции. В первой четверти XX в. в связи с социокультурными изменениями, повлекшими за собой дальнейшую трансформацию родовой структуры хакасов, *ызых* в большей степени стал носить семейно-фамильный характер. При этом основная идея ритуала посвящения оставалась неизменной. Посвященное животное воспринималось в качестве «живой» жертвы божествам, духам-хозяевам, *тёсам* и т.д. В *ызыхах* видели медиаторов, посредством которых устанавливалась сакральная связь человека со сверхъестественными силами. С ее помощью стремились достичь равновесия между миром людей и природой. Верили, что это будет способствовать благополучному поддержанию жизнедеятельности людей. Данный фактор выявляет экологическую направленность воззрений, связанных со священными животными. В советские годы культ *ызыхов* как проявление шаманизма не вписывался в официальную атеистическую идеологию и противоречил новым формам хозяйствования. Он был запрещен и со временем исчез из быта.

Список литературы

- Бурнаков В.А.** Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.
- Бутанаев В.Я.** Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Хакасия, 1999. – 240 с.
- Бутанаев В.Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.
- Вербицкий В.** Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Горно-Алтайск: Ах Чечек, 2005. – 504 с.
- Георги И.Г.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. – Ч. 2–3. – 270 с.
- Древнетюркский словарь.** М.: Наука, 1969. – 676 с.
- Дырленкова Н.П.** Шорский фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 449 с.
- Зеленин Д.К.** Культ онгонов в Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1936. – 436 с.
- Каратанов И.** Черты внешнего быта качинских татар // Изв. ИРГО. – 1884. – Т. 20, вып. 6. – С. 6–33.
- Катанов Н.Ф.** Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. – СПб., 1893а. – 113 с. – (Прил. к т. 73 «Зап. Имп. Акад. наук»).
- Катанов Н.Ф.** Среди тюркских племен // Изв. ИРГО. – 1893б. – Т.29. – С. 520–550.
- Катанов Н.Ф.** Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: [Типолит. Имп. Казан. ун-та], 1897. – 104 с.
- Катанов Н.Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. – СПб.: [б.и.], 1907. – 640 с. – (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым; ч. 9).
- Клеменц Д.А.** Заметка о тюсях // Изв. ВСОРГО. – Иркутск, 1892. – Т. 23, № 4/5. – С. 20–35.
- Мифы народов мира.** – М.: Большая рос. энцикл., 1997. – Т. 1. – 672 с.
- О шаманизме:** рукопись // Архив Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова. – 20 л.
- Островских П.Е.** Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. – 1895. – Вып. 3/4. – С. 297–348.
- Паллас П.С.** Путешествие по разным местам Российского государства. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1786. – Кн. 2, ч. 2. – 571 с.
- Потапов Л.П.** Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. – Л.: Наука, 1977. – С. 165–180.
- Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Севортян Э.В.** Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
- Степанов А.П.** Енисейская губерния. – Красноярск: Горница, 1997. – 224 с.
- Традиционное мировоззрение** тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.
- Хайтун Д.Е.** Пережитки тотемизма у хакасов // Тр. Таджик. гос. ун-та им. В.И. Ленина. – 1959. – Т. 27: Сер. истор. наук, вып. 1. – С. 111–124.
- Яковлев Е.К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. – Минусинск: [Тип. В.И. Корнакова], 1900. – 216 с.

Материал поступил в редколлегию 04.06.08 г.